

УДК 159.923

Хазова С. А., Сапоровская М. В., Кудряшова О. А.

Костромской государственной университет

156000, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17, Российская Федерация

ИЗЪЯТИЕ РЕБЁНКА КАК КРИЗИСНОЕ СОБЫТИЕ В ЖИЗНИ ДИСФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СЕМЬИ: ОСОБЕННОСТИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

АННОТАЦИЯ

Цель. Описание результатов эмпирического исследования специфики совладания дисфункциональной (алкогольной) семьи с кризисом, связанным с изъятием ребёнка и временным помещением его в реабилитационный центр.

Процедура и методы. В статье проанализированы стратегии совладающего поведения матерей и детей из алкогольных семей в связи с особенностями переживания кризиса и спецификой семейных взаимоотношений. При проведении исследования применены эмпирические методы (беседа, опрос, проективный рисунок), методы статистического анализа и интерпретации результатов.

Результаты. Показано сходство реагирования матерей и детей в кризисной ситуации: отсутствие адекватных действий, преобладание эмоционально-ориентированных способов поведения, самообвинение и агрессия. Зафиксированы связи совладающего поведения с такими особенностями семейного воспитания, как воспитательная неуверенность, чрезмерность требований, предпочтение детских качеств в ребёнке.

Практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в обоснование практики помощи дисфункциональной семье, находящейся в кризисе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

дисфункциональная (алкогольная) семья, жизненное событие, кризисное событие, совладающее поведение, детско-родительские отношения

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № FZEW-2020-0005.

СТРУКТУРА

Введение

Организация исследования

Результаты исследования и их обсуждение

Выводы

S. Khazova, M. Saporovskaya, O. Kudryashova

Kostroma State University

17, ul. Dzerzhinskogo, Kostroma 156000, Russian Federation

REMOVAL OF A CHILD AS A CRISIS EVENT IN THE LIFE OF AN ALCOHOLIC FAMILY AND COPING WITH IT

ABSTRACT

Aim. To describe the specifics of coping with an alcoholic family crisis caused by the removal of a child from the family and temporary placement in a rehabilitation center.

Methodology. The article analyzes strategies of coping behavior of mothers and children from alcoholic families in connection with the peculiarities of going through the crisis and the specifics of family relationships. The research uses empirical methods (conversation, survey, projective drawing), methods of statistical analysis and interpretation of results.

Results. The article shows the similarity of the response of mothers and children in a crisis: the lack of adequate actions, the predominance of emotionally-oriented behavior, self-blame and aggression. Connections of coping behavior with predominance of uncertainty in the ways to bring up children, excessive demands, preference for childish qualities in the child are noticed in the mother-child relations.

Research implications. The results of the study contribute to the improving the practice of helping families in crisis.

KEYWORDS

alcoholic family, life event, crisis event, coping behavior, child-parent relations

ACKNOWLEDGMENTS

The work was performed within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. FZEW-2020-0005.

ВВЕДЕНИЕ

Событийно-биографический подход, позволяющий описать уникальность жизненного пути личности, в последнее время всё чаще применяется и в исследованиях семьи. Это позволяет сместить акцент анализа с жизненного цикла семьи и нормативных этапов её функционирования на события жизненного пути семьи, прежде всего на ненормативные кризисы, семейные стрессы и их преодоление. В данном контексте одним из наиболее перспективных направлений изучения семьи является исследование семейного стресса и семейного совладания как особого сочетания зависящих друг от друга индивидуальных копингов членов семьи [6, с. 2]. Именно в рамках этого направления создаются условия для понимания тех процессов жиз-

недеятельности семьи, которые либо обеспечивают её жизнеспособность и конструктивное развитие, либо, наоборот, ведут к её кризису и распаду.

Стресс является важной частью жизни человека и группы, при этом его роль неоднозначна в диапазоне от «созидания» до «разрушения». Он может обеспечить мобилизацию имеющихся ресурсов и поиск новых для решения жизненной задачи, может стать «пусковым механизмом» актуализации латентного (неочевидного, скрытого) нарушения в семье. В случае его чрезмерной силы и продолжительности стресс способен привести к утрате здоровья, благополучия и целостности семьи [11, с. 3; 6, с. 10].

Одним из стрессоров в жизни семьи выступает жизненное событие, которое оказывает значимое влияние на дальнейшую жизнь и судьбу семьи в целом и её членов (появление / уход члена семьи, переезд, существенное изменение условий жизни). Обобщая ключевые идеи событийного подхода, в котором событие – это «узловой момент и поворотный этап жизненного пути», «когда ... на более или менее длительный срок определяется дальнейший жизненный путь человека» [10, с. 684], можно говорить о таких характеристиках события, как временная и пространственная локализация, наличие существенных (внешних или внутренних) изменений в жизни и личности (Ш. Бюлер, Е. Ю. Коржова, Н. А. Логинова), «судьбоносность» (С. Л. Рубинштейн), «значимость» для субъекта (Б. Г. Ананьев), личностный смысл события, связь с переживанием, субъективной оценкой (С. Л. Рубинштейн, В. И. Слепкова). Наконец, роль событий определяется во многом позицией человека по отношению к ним – «позицией жертвы» или «позицией борца» [7, с. 161], тем самым событию придаётся экзистенциальный смысл [3, с. 90]. Несмотря на то, что события могут быть положительными, большинство авторов рассматривают негативные события, влияющие на адаптивные возможности человека и связанные с нарушением психического / соматического здоровья [1, с. 118].

По мнению В. И. Слепковой, значимое событие жизненного пути семьи – это событие, которое вносит качественное изменение в функционирование семьи, при этом масштаб изменений позволяет определять важность событий для семьи в целом и для отдельных её членов. Как указывает автор, значимость событий может быть связана с интенсивностью эмоциональных переживаний, их влиянием на физическое и психическое здоровье членов семьи [12, с. 33]. Таким событием является ненормативный семейный кризис, изменяющий семейную структуру, способы взаимодействия внутри семьи и семьи с социальным окружением, когда семья сталкивается с новыми задачами, а прежние модели поведения становятся неэффективными и неприемлемыми. Такой кризис не связан с определённым этапом жизненного цикла семьи, характеризуется неожиданностью возникновения, а его преодоление зависит во многом от консолидированных усилий членов семьи [12, с. 34].

В контексте изучения ненормативных кризисов особый интерес представляет дисфункциональная, в частности алкогольная, семья. В алкогольной семье одновременно представлено два сильных стрессогенных фактора: зависимость как химическая аддикция и созависимость членов семьи как поведенческая аддикция. С одной стороны, это приводит к развитию хронического семейного стресса, характеризующегося постоянным психологическим давлением, чрезмерной нервно-психической нагрузкой, напряжением, тревожностью, лживостью в отношениях, фрустрацией базовых потребностей в безопасности [8, с. 290–300; 15, р. 227; 19, р. 490; 17, р. 472; 18, р. 50]. В результате запускаются механизмы защитного и совладающего поведения членов семьи. С другой стороны, в алкогольной семье помимо хронического стресса присутствует значительное количество ненормативных кризисов, в том числе в качестве такого кризиса, поворотного события можно рассматривать временное изъятие ребёнка из алкогольной семьи и его нахождение в центре социальной реабилитации для несовершеннолетних. Семья получает альтернативные возможности – либо распад семьи, лишение родителей родительских прав и изъятие детей из семьи; либо отказ от прежнего образа жизни, изменение установок и ценностей, поиск ресурсов для совладания со стрессорами и, как результат усилий, воссоединение семьи [4, с. 69–70; 10, с. 3].

Исход данной ситуации зависит от того, какую субъективную оценку дают ей родители (матери главным образом), как они её воспринимают. В своём исследовании Т. В. Гущина выделяет три типа переживания и реагирования матерей на ситуацию изъятия ребёнка из семьи: 1) высокий уровень стресса, нежелание расставаться с ребёнком при переживании собственно бессилия, невозможности изменить сложившуюся ситуацию, бездействие, смирение; 2) высокий уровень стресса при непродуктивных попытках изменить ситуацию, «срыв», переживание безысходности, смирение, адаптация; 3) высокий уровень стресса при попытках активного совладания, реальное изменение ситуации [2, с. 14].

Наши более ранние исследования показали, что существует явная специфика защитного и совладающего поведения девиантных матерей и их детей, ещё более усугубляющая их стрессовые нагрузки, не позволяющая им разрешить кризисную ситуацию. Так, матери испытывают трудности в понимании своих переживаний в контексте данной ситуации. Чувство вины и стыда, обострённая ответственность перед ребёнком и социальным окружением приводят к тому, что женщины протестуют, говорят о желании вернуть ребёнка, но реальных действий не предпринимают [2, с. 22]. Механизмы психологической защиты преобладают над копингом, что позволяет адаптироваться к травмирующей ситуации, но не даёт возможности её конструктивно изменить. Совладающее поведение представлено на уровне ситуативно используемых стратегий проблемно-

ориентированного и эмоционально-ориентированного (самообвинение и отказ от чувств) копинга, при этом редко используются стратегии реального активного действия. В целом такое защитно-совладающее поведение делает взрослых женщин беспомощными и бессильными изменить жизненные обстоятельства. Дети девиантных матерей, как и дети из нормально функционирующих семей, больше всего привязаны к матери и выбирают её в качестве объекта привязанности. Ядром защитного поведения детей выступает механизм компенсации, позволяющий переключить внимание ребёнка с оценок и анализа травмирующего опыта отношений с матерью на другие события [5, с. 83–85].

Однако для понимания возможностей выхода семьи из кризиса и более точного прогнозирования возможного исхода развития событий в данной ситуации изучения индивидуального копинга детей и взрослых явно недостаточно. В современных исследованиях показано, что совладание всегда сочетает в себе индивидуальные усилия и социальные отношения [16, р. 647; 6, с. 11]. С одной стороны, детско-родительские отношения являются детерминантой совладающего поведения детей и родителей, с другой, специфика совладания способна оказать влияние на качество отношений между родителями и детьми.

В данном предметном поле возникает ряд **проблемных вопросов**, требующих решения, а именно: какова специфика совладающего поведения родителей и детей из алкогольных семей в ситуации системного кризиса, связанного с изъятием ребёнка из семьи? Как совладающее поведение в алкогольной семье связано с качеством детско-родительских отношений?

ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

База исследования: ОГБУ «Макарьевский Комплексный Центр Социального Обслуживания Населения» Костромской области.

Выборку исследования составили тридцать семей, в которых матери употребляют алкоголь: 30 матерей в возрасте от 24 до 48 лет ($M=35,4$) и 34 ребёнка в возрасте от 6 до 15 лет ($M=8,1$). На момент исследования официально трудоустроены 8 человек (27%), 5 женщин – торговые работники, одна – менеджер, остальные имеют рабочие профессии (продавец, контролёр-кассир, хозяйка усадьбы, маляр). Официально не трудоустроены (или не работают) 22 человека (73%). Матери отрицают собственный алкоголизм, равнодушно относятся к медицинской и психологической помощи, официально диагноз «алкоголизм» не поставлен. В 22 семьях алкоголь принимают оба родителя от одного года до семи лет. Большинство семей (53%) имеют одного ребёнка, 40% – это семьи с двоими детьми, 2 семьи (7%) – многодетные. Образовательный статус матерей различный: среднее образование имеют около 43% женщин, среднее специальное – 23%, высшее – 7%. Восемь матерей (27%) закончили только девять классов.

Семьи исследовались во время травматического для семьи события – изъятия ребёнка из семьи, что рассматривалось нами как объективный показатель кризиса семейной системы.

Методический комплекс:

1. Рисунок семьи использовался с целью определения семейных позиций и «Я-концепции» испытуемого [13, с. 119–127]. Критериями анализа являлись: цвет, размер изображения, расположение фигур на листе и относительно друг друга, наличие на рисунке члена семьи, очерёдность рисования, признаки эмоционального отношения (агрессия, страх), штриховка и нажим.

2. «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) (Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис, 1999) представляет собой опросник для родителей и позволяет определить основные особенности (нарушения) процесса воспитания в семье [14, с. 600–610]. К ним относятся: уровень протекции в процессе воспитания, степень удовлетворения потребностей ребёнка, количество и качество требований / запретов / санкций к ребёнку в семье, неустойчивость стиля воспитания, психологические (личностные) проблемы родителей, решаемые за счёт ребёнка, а также типы воспитания, определяющиеся сочетанием различных отклонений в воспитании, – потворствующая гиперпротекция, доминирующая гиперпротекция, повышенная моральная ответственность, эмоциональное отвержение, жестокое обращение родителей с детьми, гипопротекция (гипоопека). Опросник применялся в двух формах: для родителей детей дошкольного и младшего школьного возраста (1) и для родителей подростков (2).

3. Опросник способов совладания, авторы Р. Лазарус, С. Фолкман (1988), адаптирован Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой (2004), предназначен для диагностики восьми стратегий совладающего поведения: конфронтативный копинг, дистанцирование как когнитивное отдаление от ситуации, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, планирование решения проблемы, положительная переоценка, бегство / избегание [5, с. 37–43].

4. Опросник копинг-поведения в стрессовых ситуациях (КПСС) Н. Эндлер и Дж. Паркер (1990) в адаптации Т. Л. Крюковой (2004), который диагностирует стили копинг-поведения как устойчивые паттерны: проблемно-ориентированный, эмоционально-ориентированный копинг, копинг, ориентированный на избегание, социальное отвлечение и отвлечение [5, с. 44–47].

5. Опросник копинг-стратегий для детей школьного возраста И. М. Никольской, Р. М. Грановской (2000) [9, с. 260].

Статистическая обработка проводилась с использованием дескриптивной статистики, непараметрического критерия Манна-Уитни (U), метода ранговой корреляции r - Спирмена.

1. Особенности переживания кризисного события и совладающее поведение детей и родителей в алкогольных семьях

На первом этапе нами изучалось эмоциональное отношение матерей и детей к актуальному событию (временное помещение ребёнка в реабилитационный центр) и стратегии совладающего поведения в данной ситуации.

Абсолютное большинство матерей воспринимало изъятие ребёнка как неожиданное событие, влекущее за собой изменение привычного образа жизни, привычных отношений и возрастание напряжения. В связи с помещением ребёнка в реабилитационный центр 69% матерей говорили о тревоге за ребёнка, однако беспокоились не о его эмоциональном состоянии, а о формальных аспектах: обучении, питании и т. д. 60% матерей говорили о чувстве вины, а также о переживании стыда перед другими; данное событие расценивалось женщинами как угроза их статусу, что свидетельствует о социальной несамостоятельности и конформности женщин. При этом данная ситуация у 54% матерей вызывала конфронтацию с проблемой, раздражение и агрессию по отношению к органам опеки, которые в данном случае воспринимались как виновники ситуации. В ответах матерей просматривается амбивалентное отношение к себе как матери (69%): с одной стороны, они характеризовали себя как строгих и авторитетных родителей, с другой стороны, их ответы свидетельствовали о воспитательной неуверенности, непоследовательности, низкой самооценке и о неудовлетворённости ролью матери. Эти данные подтверждают наличие мифического, искажённого представления о себе в роли матери у женщин, употребляющих алкоголь, которое не соответствует реальности [2, с. 14]. Необходимо также отметить, что кризисное событие обычно выполняет побудительную, мотивирующую функцию для активных действий, однако в описываемом случае приблизительно треть матерей декларировали желание вернуть ребёнка, но реальных шагов для этого не предпринимали, а 30%, испытывая негативные чувства, не оценивали ситуацию как кризисную и с лёгкостью отдавали детей.

Нами анализировались способы копинга, при помощи которых респонденты справляются с данным кризисным событием. Респонденты заполняли специальную форму, в которой в качестве трудной ситуации была задана ситуация кризиса и изъятия ребёнка из семьи. Наиболее выраженной является стратегия бегства / избегания решения проблемы (рис. 1), проявляющаяся в надежде на чудо, на то, что всё само собой как-то разрешится, фантазировании, а также в улучшении самочувствия едой, выпивкой, лекарствами.

¹ Представленные результаты были получены О. А. Кудряшовой в рамках подготовки магистерской диссертации, выполненной под руководством С. А. Хазовой: Кудряшова О. А. Детско-родительские отношения и совладающее поведение в алкогольных семьях: маг. дис. Кострома, 2016. 86 с.

Данная стратегия сочетается с планированием решения проблемы, которое, однако, не переходит в реальные действия, высоким самоконтролем и конфронтативным копингом. Менее всего матери принимают на себя ответственность за происходящее.

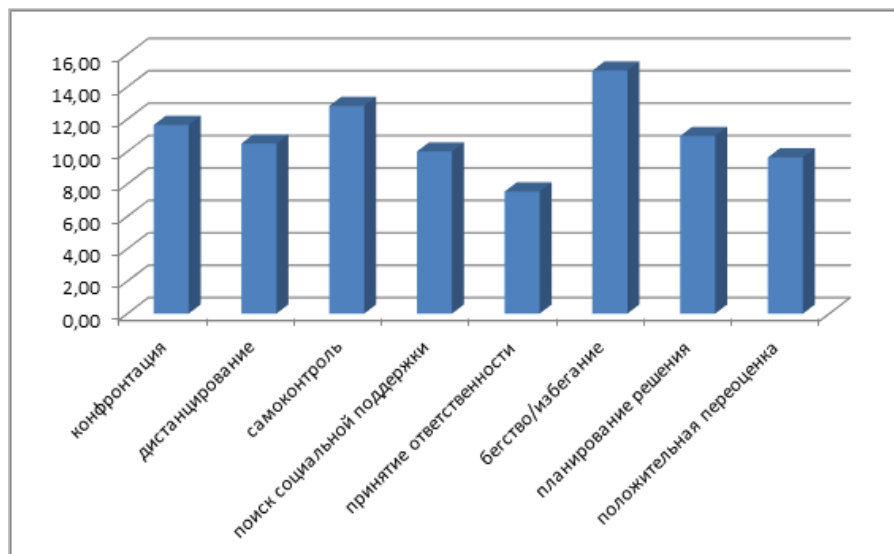

Рис. 1 / Fig. 1. Выраженность стратегий совладающего поведения / The ranking of coping strategies

Эти данные подтверждаются и анализом стилей совладания (рис. 2). Несмотря на то, что результаты находятся в области средних значений, по шкале проблемно-ориентированного копинга наблюдается некоторое снижение показателей, в то время как выраженность эмоционально-ориентированного совладания оказывается выше, т. е. вместо реальных когнитивных или поведенческих действий женщина обвиняет себя, погружается в свои страдания, испытывает напряжение и раздражение, фиксируется, «застревает» на переживаниях. Это обусловлено образом жизни в алкогольной семье: привычкой не решать проблем, а уходить от них, чаще всего, в алкоголь. Такое сочетание способов поведения зафиксировано и в других дисфункциональных семьях: трудности преодолеваются не за счёт собственных реальных усилий, а за счёт неадекватного эмоционально-ориентированного копинга [11, с. 3; 17, р. 475; 18, р. 50].

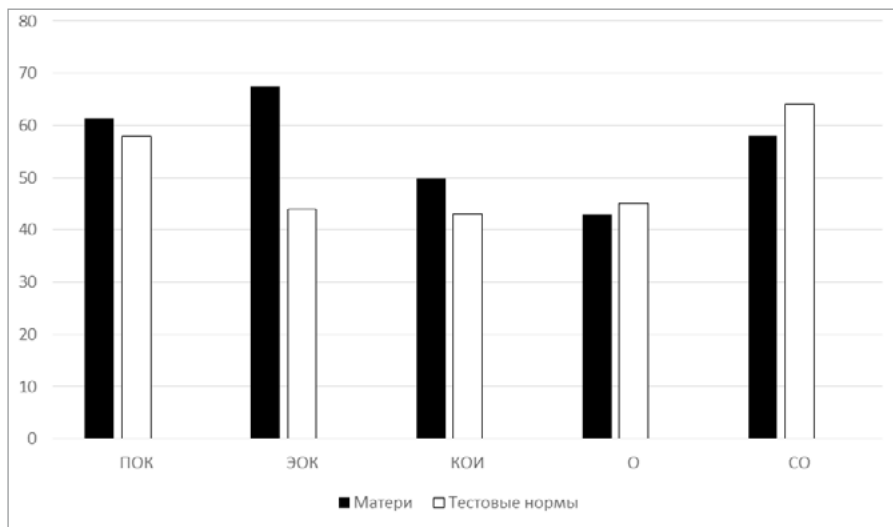

Рис. 2 / Fig. 2. Стили совладающего поведения: дескриптивная статистика / Coping styles: descriptive statistics

Примечание: ПОК – проблемно-ориентированный копинг, ЭОК – эмоционально-ориентированный копинг, КОИ – копинг, ориентированный на избегание, О – отвлечение, СО – социальное отвлечение

Дети переживают данную ситуацию достаточно остро. Характеризуя ситуацию, дети (около 56%) говорили об обиде на мать, испытывали гнев и агрессию. Исследование совладающего поведения детей показало, что чаще всего дети стараются остаться в одиночестве, избегать общения со взрослыми и сверстниками, от которых переживания тщательно скрываются («остаюсь сам по себе, один», 60%); дети гуляют (55%), смотрят телевизор или слушают музыку (70%), мечтают (68%), замыкаются в себе («говорю сам с собой», 10%). Ярко выражены и эмоционально-ориентированные стратегии, особенно у младших школьников и дошкольников (приводится в терминах опросника [9, с. 260]: «кусаю ногти и ломаю суставы пальцев» – 30%, «воплю и кричу» – 30%, «схожу с ума» – 66%, «бью, ломаю и швыряю» – 42%, «плачу, грущу» – 54%), что свидетельствует о высоком напряжении и низком самоконтроле испытуемых. Часто дети винят себя в происходящем, либо, наоборот, особенно в более старшем возрасте, вся ответственность за последствия снимается с себя и возлагается на родителей («мне все равно», «пусть сами (родители) разбираются»).

Таким образом, можно говорить о том, что дети в данной ситуации замыкаются, реагируют эмоционально, снимают внутреннее напряжение через яркое внешнее выражение эмоций, в том числе агрессию, могут демонстрировать протестное поведение либо апатию и равнодушие. В целом прослеживается сходство реагирования матерей и детей в данной ситуации: отсут-

ствии адекватных действий, преобладание эмоционально-ориентированных способов поведения, самообвинение и агрессия.

2. Исследование детско-родительских отношений в алкогольных семьях и их связи со стратегиями совладания

На втором этапе исследования нами изучалась специфика детско-родительских отношений. Анализ рисунков семьи и материалов беседы в процессе проведения рисунка позволил выявить специфику внутрисемейных отношений, прежде всего отношения матери к ребёнку и ребёнка к матери. Несмотря на то, что участие матерей в исследовании было добровольным и в данной ситуации они были ориентированы на сотрудничество со специалистами, надеясь изменить ситуацию, проведение рисуночной методики было осложнено нежеланием испытуемых рисовать, ссылками на неумение рисовать вообще, негативными реакциями в процессе проведения. Одна из возможных причин – это страх самоанализа. При этом следует отметить, что большинство испытуемых (50%) ощущали неуверенность во время исследования (несколько раз перерисовывали себя и членов семей), что, по нашему мнению, свидетельствует о сложности и неопределённости самовосприятия и восприятия других членов семьи респондентом. 2% детей также проявили равнодушие к предложенным заданиям, 30% первоначально отказались рисовать, даже проявили агрессию, но при повторной просьбе выразили согласие.

Как видно из таблицы 1, в рисунках женщин преобладают тёмные тона, фигуры находятся на значительном удалении, развёрнуты друг от друга, контакт между ними отсутствует, что может свидетельствовать об актуальной ситуации кризиса. Кроме того, в рисунках проявляется важная характеристика отношений – отсутствие теплоты, эмоциональности и недостаток телесного контакта. Особенности рисунков позволяют говорить о «размытости» собственного «Я», отсутствии самоидентификации. Прежде всего это отражено в местоположении женщины по отношению к мужчине на рисунках. Муж часто занимает положение посередине листа и изображён внушительных размеров, себя женщина рисует вдаль, детей – маленькими фигурками. 20% женщин не нарисовали себя. На 25% рисунков отсутствует ребёнок, в 70% случаев его фигура имеет непропорционально маленький размер. Данный факт говорит о зависимости женщин от пьющих мужей, о собственной эгоцентрической позиции, типичной для самого зависимого, при этом ребёнок оказывается «брошенным» и «забытым». О негативных эмоциях и агрессии свидетельствуют сильный нажим, штриховка и специфические детали (клыки, раны, оскал).

Анализ рисунков детей (табл. 1) позволяет говорить о сниженной социальной компетентности и искажённом самовосприятии. Стоит отметить, что у 80% процентов детей страх является постоянным чувством, что прежде всего выражается в изображении вместо отца или матери злоупотребляющих алкоголем «звероподобных» людей, преобладании тёмных красок в изображениях. 30% нарисовали себя «крохотными» фигурками, вдаль от мамы и

Таблица 1 / Table 1

Анализ значимых признаков в проективной методике «Рисунок семьи» /
 Analysis of important characteristics in a projective technique «Picture of the family»

Признак	Процент выборки (матери)	Процент выборки (дети)	Пример
Цвет	10	13	Фиолетовый
	30	38	Черный
	20	19	Серый
	20	6	Коричневый
	10	12	Красный
	10	12	Оранжевый
Размер персонажей, изображающих детей / родителей	30	44	Большой
	70	56	маленький
Размер персонажа, изображающего себя	60	37	Большой
	40	62	маленький
Расположение фигур относительно друг друга	70	69	Большая дистанция
	30	31	Маленькая дистанция
Расположение фигур, изображающих детей / родителей, на листе	20	19	Центр
	40	44	Верхняя половина
	20	19	Нижняя половина
	20	19	Угол
Расположение фигуры, изображающей себя, на листе	50	44	Центр
	20	19	Верхняя половина
	20	25	Нижняя половина
	10	12	Угол
Присутствие респондента	80	44	Присутствие
	20	56	Отсутствие
Наличие или отсутствие других членов семьи	60	68	Присутствие
	40	31	Отсутствие
Физический контакт персонажей рисунка	30	44	Есть
	70	56	нет
Очередность рисования персонажей	50	37	Первым себя
	10	37	Первым ребенка /мать
	40	25	Первым мужа /отца
Штриховка или сильный нажим линии	70	87	Есть
	30	12	Нет
Агрессия персонажей	20	37	Клыки, зубы, когти
	10	6	Шерсть
	10	6	Кровь, раны
	40	25	Оскал
	20	19	Иные проявления
Желание или отказ от контакта с членами семьи	10	56	Протянутые руки
	40	19	Поворот от членов семьи
	20	6	Взгляд на членов семьи
	30	19	Отсутствие контакта глаз

Источник: Кудряшова О. А. Детско-родительские отношения и совладающее поведение в алкогольных семьях: маг. дис. Кострома, 2016. С. 69–70, 74–75.

папы, что подчёркивает неуверенность, заниженную самооценку; 20% изображают себя «нечётко», контуры «размыты», что свидетельствует о такой черте детей из алкогольных семей, как размытость, нечёткость границ «Я».

Обобщив характеристики рисунков респондентов, можно заметить, что во многих из них образ себя искажён: имеет маленький размер, образ человека заменён образом животного или вообще отсутствует. Родители изображены непропорционально большими, с несуществующими в реальности деталями. Это говорит о сложности восприятия членов семьи и самовосприятия. Большинство детей из алкогольных семей отражают в рисунках агрессивную позицию родителей и собственную подчинённую позицию. Часто используется тёмный цвет, что свидетельствует о наличии депрессивных тенденций.

Таким образом, на рисунках как родителей, так и детей отсутствует чувство общности, сплочённости и поддержки: семья воспринимается как источник негативных эмоций (рис. 3).

О., 37 лет

П., 7 лет

Рис. 3 / Fig. 3. Примеры рисунков матерей и детей на тему «Моя семья» / Examples of drawings by mothers and children on the theme "My family"

Источник: Кудряшова О. А. Детско-родительские отношения и совладающее поведение в алкогольных семьях: маг. дис. Кострома, 2016. С. 71, 79.

Проиллюстрируем особенности семейных отношений на основе анализа случаев².

Пример 1. О., жен., 37 лет. *Семья О. полная, алкогольная. Ребёнок один, 6 лет. Проживает в собственном доме. Ребёнок имеет собственную комнату. Санитарное состояние квартиры хорошее, уборка проводится регулярно, имеется вся необходимая мебель. Оба родителя работают. Спиртными напитками злоупотребляет мать. Психологическая обстановка в семье неустойчивая, напряжённая, часто возникают конфликтные ситуации.*

² Кудряшова О. А. Детско-родительские отношения и совладающее поведение в алкогольных семьях: маг. дис. Кострома, 2016. С. 71, 79.

Женщина нарисовала всех членов семьи. Все члены семьи не имеют ступней и изображены в наклонной позе, что может означать неустойчивое, шаткое положение, отсутствие опоры. Муж стоит спиной к жене и ребенку, жена спиной к мужу, что является показателем разрозненности и одиночества каждого члена семьи. Руки ребенка раскрыты, что, вероятно, говорит о готовности к общению. Однако руки матери скрещены, поза закрытая, и хотя фигура развернута в сторону ребенка это можно трактовать как отсутствие теплого отношения к дочери. Линии небрежны, что говорит о пренебрежительном отношении к своей семье.

При проведении исследования О. отказывалась, ругалась, несколько раз перерисовывала рисунок.

Пример 2. П., 7 лет, мальчик. *Семья П. полная, алкогольная, состоит из трех человек. Проживают в многоквартирном доме, в двухкомнатной квартире, без удобств, с печным отоплением. Оба родителя злоупотребляют спиртными напитками на протяжении 5 лет. Уборка в квартире не производится, комната ребенка захламлена грязным бельем и пустыми бутылками. Родители безработные. Это влияет на отношения семьи, порождая конфликтные ситуации. Ребенок не всегда одет в соответствующую сезону одежду. Отец деспотичен, часто наказывает сына. Мать занимает пассивную позицию в семье. Родители не контролируют выполнение сыном домашних заданий.*

Папа П. выпивает, отец изображён «разъяренным», рот его открыт, он кричит и во рту у него вместо зубов клыки. Рядом с папой никого нет, ни мальчика, ни других членов семьи. Зато П. нарисовал клубок серого цвета. Мальчик объясняет, что он нужен для того, чтобы закрыть папе рот, чтобы он не кричал, что свидетельствует одновременно о страхе и агрессивных проявлениях сына по отношению к отцу. У П. проблемы с социализацией и психологической адаптацией. В школьном коллективе П. является «изгоем»: с ним отказываются дружить и даже просто общаться. Мальчик часто вступает в конфликты с одноклассниками: обзывается, кусается, дерется. Таким образом, мальчик копирует поведение отца и пользуется такими же защитными реакциями.

Анализ особенностей семейного воспитания позволяет говорить о его специфических характеристиках, что, в свою очередь, свидетельствует о невыполнении или специфическом выполнении семьёй и матерями воспитательной функции (табл. 2). Так, обращает на себя внимание тот факт, что все показатели семейных взаимоотношений находятся ниже диагностических³, за исключением чрезмерности / недостаточности требований / запретов, что свидетельствует об отсутствии чётких правил, ограничений и «рамочек» для ребёнка либо об излишнем ограничении свободы и самостоятельности ребёнка. Полученные результаты, вероятно, можно объяснить, во-первых, значительным разбросом значений в выборке. Кроме того, предполагается, что баллы по дихотомическим шкалам имеют противоположные значения. Однако в нашей выборке

³ Диагностические показатели указаны авторами методики как критические, отклонение от которых свидетельствует о проблемах взаимодействия в семье.

Таблица 2 / Table 2

Показатели семейных взаимоотношений: дескриптивная статистика /
Features of family relations: descriptive statistics

	Среднее	Минимум	Максимум	Стд. откл	Диагност. число
Г+ гиперпротекция	5,58	1,00	7,00	2,10	7
Г- гипопротекция	6,75	5,00	10,00	1,75	8
У+ потворствование	4,77	1,00	9,00	2,20	8
У- игнорирование потребностей ребенка	3,11	1,00	4,00	1,20	4
Т+ чрезмерность требований (обязанностей)	2,77	0,00	5,00	1,35	4
Т- недостаточность требований, обязанностей	2,74	0,00	5,00	1,58	4
З+ чрезмерность требований (доминирование)	3,65	0,00	5,00	2,01	4
З- недостаточность требований-запретов к ребенку	3,09	0,00	5,00	1,49	3
С+ чрезмерность санкций	3,26	1,00	5,00	1,45	4
С- минимальность санкций	2,84	1,00	5,00	1,34	4
Н – неустойчивость стиля воспитания	3,60	2,00	5,00	1,42	5
РРЧ – расширение сферы родительских чувств	3,93	0,00	8,00	2,53	6
ПДК – предпочтение детских качеств	3,29	1,00	5,00	1,33	4
ВН – воспитательная неуверенность родителей	2,56	0,00	5,00	1,47	5
ФУ – фобия утраты ребенка	3,45	0,00	9,00	2,85	6
НРЧ – неразвитость родительских чувств	5,24	2,00	9,00	2,13	7
ПНК – проекция на ребенка собственных нежелательных качеств	3,44	0,000	5,00	1,48	4
ВК – вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания	2,09	0,00	4,00	1,57	4
ПЖК – предпочтение женских качеств	2,69	0,00	5,00	1,90	4
ПМК – предпочтение мужских качеств	1,87	0,00	5,00	2,07	4

Источник: Кудряшова О. А. Детско-родительские отношения и совладающее поведение в алкогольных семьях: маг. дис. Кострома, 2016. С. 55–56, 60.

результаты противоречивы: 89% матерей потворствуют потребностям ребёнка (У+), но одновременно демонстрируют их игнорирование (У- также имеет низкую выраженность). Представляется, что это может быть объяснено незрелостью материнской позиции и отсутствием родительской рефлексии. Являясь зависимыми и созависимыми одновременно, они сосредоточены на своих потребностях и потребностях мужей-алкоголиков, игнорируя потребности ребёнка. Далее, это может быть связано как с неустойчивостью стиля воспитания, которого придерживаются родители в алкогольных семьях, так и с социальной желательностью ответов: находясь под угрозой изъятия ребёнка из семьи и под пристальным вниманием специалистов, испытывая чувство вины, женщины стремятся играть роль «хорошей матери, правильно воспитывающей детей». Однако их усилия кратковременны и не приводят к результату.

Ещё одним важным фактом является наличие различий в выраженности вариантов воспитания по отношению к младшим детям и подросткам (рис. 4, приведены только значимые различия). Так, по отношению к младшим чаще проявляются игнорирование потребностей ребёнка (U=145,0, $p \leq 0,05$), недостаточность требований и недостаточность обязанностей ребёнка в семье (U=135,0, $p \leq 0,05$), чрезмерность требований-запретов (U=142,0, $p \leq 0,05$), предпочтение детских качеств (U=119,5, $p \leq 0,01$) и проекция на ребёнка собственных нежелательных качеств (U=145,0, $p \leq 0,05$). Выраженной является и гиперпротекция (U=119,5, $p \leq 0,01$), в то время как по отношению к ребёнку-подростку преобладает гипопротекция, при которой ребёнок как бы «выпадает из виду» (U=124,0, $p \leq 0,01$).

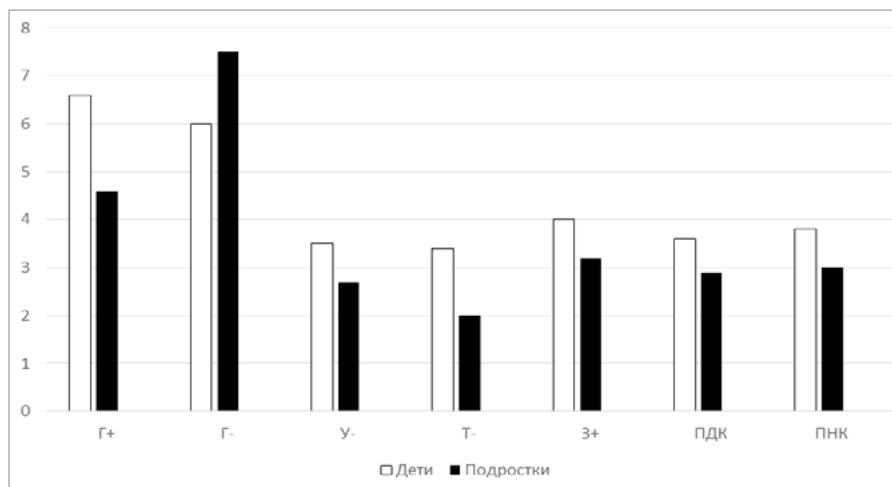

Рис. 4 / Fig. 4. Особенности семейного воспитания (с учётом возраста ребёнка) / Features of family education (taking into account the age of the child)

Примечания: Г+ гиперпротекция, Г- гипопротекция, У- игнорирование потребностей ребёнка, Т- недостаточность требований, обязанностей, З+ чрезмерность требований (доминирование), ПДК – предпочтение детских качеств, ПНК – проекция на ребёнка собственных нежелательных качеств.

Кроме того, независимо от возраста ребёнка можно говорить о таком типе воспитания, как эмоциональное отвержение по отношению к детям, проявляющееся в низкой протекции, низком удовлетворении потребностей ребёнка, невысоком количестве обязанностей ребёнка. При этом количество требований (обязанностей) ребёнка, запретов и санкций может быть как низким, так и высоким. Интересно, что потребности подростка учитываются чаще, чем его младшего сиблинга, но при этом на него возлагается больше обязанностей. Эмоциональное отвержение ребёнка в 40% случаев (50% по отношению к дошкольнику и младшему школьнику) сочетается с жестоким обращением, 84% родителей демонстрируют чрезмерность запретов по отношению к младшим детям. В подростковом возрасте в 60% случаев можно говорить о безнадзорности ребёнка.

Анализируя специфику связей стилей и стратегий совладающего поведения матерей и особенностей семейного воспитания, необходимо отметить следующие факты. Во-первых, с воспитательной неуверенностью родителей положительно коррелирует стратегия поиска социальной поддержки ($r=0,472$, $p\leq 0,035$), но отрицательно – проблемно-ориентированный стиль совладания ($r=-0,568$, $p\leq 0,008$) и стратегия самоконтроля ($r=-0,467$, $p\leq 0,037$). Эти связи представляются логичными: действительно, уверенность в своей материнской позиции позволяет совершать более активные действия, ориентированные на поиск выхода из кризисной ситуации, а также лучше контролировать своё поведение и эмоции; в то же время неуверенность заставляет больше рассчитывать на помощь со стороны, в том числе на профессиональную поддержку.

Во-вторых, чрезмерность требований / запретов (З+) отрицательно связана с проблемно-ориентированными усилиями ($r=-0,576$, $p\leq 0,007$), а чрезмерность санкций (С+) также отрицательно – с копингом, ориентированным на избегание ($r=-0,629$, $p\leq 0,002$). Подчеркнём, что в алкогольных семьях наряду с попустительством взаимоотношения характеризуются стремлением матери жёстко контролировать не только мужа-алкоголика, но и ребёнка, что создаёт непоследовательность в родительском поведении: с одной стороны, мать не избегает ситуации, но с другой, и не решает её, компенсируя реальные действия размышлениями, поисками причин происходящего и виноватых, застревающая на этапе анализа в ущерб действиям. В этом же ключе может быть проанализирована связь неразвитости родительских чувств с повышением вероятности избегания решения проблемы ($r=0,539$, $p\leq 0,014$), когда отсутствие эмоциональной близости и любви к ребёнку обуславливает отсутствие усилий для изменения ситуации и равнодушное отношение к изъятию ребёнка.

ВЫВОДЫ

1. Таким образом, полученные результаты позволяют сделать следующие обобщения. Ситуация изъятия ребёнка из семьи является, с одной стороны, ненормативным кризисным событием в жизни семьи, с другой стороны, проявлением более общего системного кризиса дисфункциональной

семьи. Эта ситуация переживается членами алкогольной семьи как травматическое, неожиданное событие, угрожающее иллюзорной безопасности, ведущее к резким и болезненным изменениям, является переломным жизненным событием.

2. Проявлением системного кризиса являются воспитательные отношения матери и детей. Отношение матерей-алкоголиков к детям противоречиво и амбивалентно. Нечувствительность и неспособность понимать психологические потребности ребёнка сочетаются с чрезмерной родительской опекой и сверхконтролем, основная цель которых – не безопасность и благополучие, а подчинение и послушание ребёнка. Снижение уровня родительской опеки до гипопротекции к подростковому возрасту оценивается матерями как нормативный процесс, признание взрослости ребенка – «он уже взрослый, самостоятельный». Видимая «включённость», формальное выполнение родительских функций создают у матерей когнитивную иллюзию относительной нормативности семьи. Данная иллюзия является причиной возникновения чувства несправедливости, «незаконности», необоснованности изъятия ребёнка из семьи.

3. Разрушение старой структуры семьи влечёт за собой необходимость смены направления дальнейшего развития, является важным периодом для преобразования и личностных трансформаций. Однако в алкогольных семьях для этого нет достаточных ресурсов. Важной проблемой здесь является «двойная» зависимость матерей – собственная (явная или скрытая) алкогольная зависимость и созависимость от мужа-алкоголика. Субъективный эффект «двойной» зависимости – переживание беспомощности, бессилия, невозможности изменить ситуацию, отчаяние, безысходность, вынужденное принятие распада семьи, адаптация.

4. Важным психологическим индикатором переживания данного жизненного события является специфика совладающего поведения членов алкогольных семей. Очень важной его общей характеристикой у взрослых и детей является отказ от собственных травматических чувств. У матерей это сочетается с аутоагрессией и самообвинением. А у детей это компенсируется стратегиями внешней агрессии, отвлечением, «уходом» в свой внутренний мир.

Таким образом, непродуктивное совладающее поведение само по себе становится психологической проблемой членов алкогольных семей, ведёт к распаду семьи и длительным травматическим последствиям как для детей, так и для взрослых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Битюцкая Е. В. Структура и динамика образа трудной жизненной ситуации // Вопросы психологии. 2020. Т. 66. № 3. С. 116–130.
2. Гущина Т. В. Защитное и совладающее поведение в дисфункциональной семье в период кризиса: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Кострома, 2005. 28 с.

3. Зуев Д. А. Структура важного жизненного события как психологического феномена // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11: Естественные науки. 2012. № 2 (4). С. 85–90.
4. Исаченко П. В. Адаптация семейной системы к изъятию ребенка и специфика организации услуги для родителей, лишенных родительских прав // Работа с кровной семьей воспитанников учреждений для детей-сирот и профилактики социального сиротства. Опыт Смоленской и Вологодской областей: сборник статей / под ред. А. С. Омельченко. М., Смоленск: Благотворительный Фонд «Дети наши», 2017. С. 63–70.
5. Крюкова Т. Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома: Авантитул, 2007. 61 с.
6. Куфтяк Е. В. Совладание и психологические защиты супругов в период динамических кризисов [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2014. Т. 6. № 1 (24). URL: http://www.mprj.ru/archiv_global/2014_1_24/nomer11.pdf (дата обращения: 28.09.2020). DOI: 10.24411/2219-8245-2014-00011.
7. Логинова Н. А. Развитие личности и ее жизненный путь // Принцип развития в психологии. М.: Наука, 1978. С. 156–172.
8. Москаленко В. Д. Зависимость: семейная болезнь. М.: PERSE, 2006. 352 с.
9. Никольская И. М., Грановская Р. М. Психологическая защита у детей. СПб.: Речь, 2000. 507 с.
10. Рубинштейн С. А. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2005. 713 с.
11. Сапоровская М. В. Межпоколенный копинг в семье: социально-психологические механизмы и групповые эффекты // Психологические исследования: [сайт]. 2016. Т. 9. № 49. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 28.09.2020).
12. Слепкова В. И. Событийный подход к семейным кризисам // Ананьевские чтения-2008: Психология кризисных и экстремальных ситуаций: междисциплинарный подход: материалы научно-практической конференции / под ред. Л. А. Цветковой, Н. С. Хрусталевой. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2008. С. 31–33.
13. Суркова Е. Г. Проективные методы диагностики. Психологическое консультирование детей и подростков. М.: Аспект Пресс, 2008. 321 с.
14. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 2008. 672 с.
15. Ghorbani F. The alexithymia, emotion regulation, emotion regulation difficulties, positive and negative affects, suicidal risk in alcohol-dependent outpatients // Psychiatry Research. 2017. № 252. P. 223–230.
16. Hobfoll S. E., Wells J. D., Lavin J. Resource loss, resource gain, and communal coping during pregnancy among women with multiple roles // Psychology of Women Quarterly. 1997. Vol. 21. № 4. P. 645–662.
17. Measuring Coping Among Family Members with Substance-Misusing Relatives: Testing Competing Factor Structures of the Coping Questionnaire (CQ) in England and Italy / Z. Horváth, J. Orford, R. Velleman, R. Urbán // Substance Use and Misuse. 2019. Vol. 55 (3). P. 469–480.
18. Ekimchik O., Kryukova T. L., Khazova S. A. Comparing attachment addictive behavior patterns in women: addicts of intimate relationships and

co-dependent mothers of adult sons [Электронный ресурс] // Journal of Behavioral Addictions. 2016. Vol. 5 (1). URL: <https://doi.org/10.1556/jba.5.2016.suppl.1> (дата обращения: 28.09.2020).

19. Punzi E., Lindgren K. Relationships, Emotions, and Defenses Among Patients with Substance Use Disorders, Assessed with Karolinska Psychodynamic Profile: Possibilities to use Intensive Short-Term Dynamic Psychotherapy in Substance Abuse Treatment // *Alcoholism Treatment Quarterly*. 2019. Vol. 37 (4). P. 481–496.

REFERENCES

1. Bityuckaya E. V. [The structure and dynamics of a difficult life situation]. In: *Voprosy psichologii*, 2020, vol. 66, no. 3, pp. 116–130.
2. Gushchina T. V. *Zashchitnoe i sovladayushchee povedenie v disfunkcional'noj sem'e v period krizisa: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk* [Protective and coping behavior in a dysfunctional family during a crisis: abstract of PhD thesis in Psychology]. Kostroma, 2005. 28 p.
3. Zuev D. A. [The structure of an important life event as a psychological phenomenon]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 11: Estestvennye nauki* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 11: Natural Sciences], 2012, no. 2 (4), pp. 85–90.
4. Isachenko P. V. [Adaptation of the family system to the removal of a child and the specifics of organizing services for parents deprived of parental rights]. In: Omel'chenko A. S., ed. *Rabota s krovnoj sem'ej vospitannikov uchrezhdenij dlya detej-sirot i profilaktika social'nogo sirotstva. Opyt Smolenskoj i Vologodskoj oblastej* [Working with the siblings in institutions for orphans and prevention of social orphanhood. Experience of the Smolensk and Vologda regions]. Moscow, Smolensk, Charity foundation «Deti nashi», 2017, pp. 63–70.
5. Kryukova T. L. *Metody izucheniya sovladayushchego povedeniya: tri kopingshkal'y* [Study of Coping Methods: Three Coping Scales]. Kostroma, Avantitull Publ., 2007. 61 p.
6. Kuftyak E. V. [Coping and psychological protection of spouses during dynamic crises]. In: *Medicinskaya psichologiya v Rossii* [Medical psychology in Russia], 2014, vol. 6, no. 1 (24). Available at: http://www.mprj.ru/archiv_global/2014_1_24/nomer11.pdf (accessed: 28.09.2020). DOI: 10.24411/2219-8245-2014-00011.
7. Loginova N. A. [Personality development and life path]. In: *Princip razvitiya v psichologii* [The principle of development in psychology]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 156–172.
8. Moskalenko V. D. *Zavisimost': semejnaya bolezn'* [Addiction: a family disease]. Moscow, PERSE Publ., 2006. 352 p.
9. Nikol'skaya I. M., Granovskaya R. M. *Psichologicheskaya zashchita u detej* [Psychological defense in children]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2000. 507 p.
10. Rubinshtejn S. A. *Osnovy obshchej psichologii* [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2005. 713 p.
11. Saporovskaya M. V. [Intergenerational coping in the family: socio-psychological mechanisms and group effects]. In: *Psichologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2016, vol. 9, no. 49. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed: 28.09.2020).

12. Slepikova V. I. [An event-driven approach to family crises]. In: Tsvetkova L. A., Khrustaleva N. S., eds. *Anan'evskie chteniya-2008: Psihologiya krizisnyh i ekstremal'nyh situacij: mezhdisciplinarnyj podhod: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Ananyevskiye readings-2008: Psychology of crisis and extreme situations: an interdisciplinary approach: proceedings of the International scientific conference]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2008, pp. 31–33.
13. Surkova E. G. *Proektivnye metody diagnostiki. Psihologicheskoe konsul'tirovanie detej i podrostkov* [Projective diagnostic methods. Psychological counseling for children and adolescents]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2008. 321 p.
14. Ejdemiller E. G., Yustickis V. *Psihologiya i psihoterapiya sem'i* [Family psychology and psychotherapy]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 672 p.
15. Ghorbani F. The alexithymia, emotion regulation, emotion regulation difficulties, positive and negative affects, suicidal risk in alcohol-dependent outpatients. In: *Psychiatry Research*, 2017, no. 252, pp. 223–230.
16. Hobfoll S. E., Wells J. D., Lavin J. Resource loss, resource gain, and communal coping during pregnancy among women with multiple roles. In: *Psychology of Women Quarterly*, 1997, vol. 21, no. 4, pp. 645–662.
17. Horváth Z., Orford J., Velleman R., Urbán R. Measuring Coping Among Family Members with Substance-Misusing Relatives: Testing Competing Factor Structures of the Coping Questionnaire (CQ) in England and Italy. In: *Substance Use and Misuse*, 2019, vol. 55 (3), pp. 469–480.
18. Ekimchik O., Kryukova T. L., Khazova S. A. Comparing attachment addictive behavior patterns in women: addicts of intimate relationships and co-dependent mothers of adult sons. In: *Journal of Behavioral Addictions*, 2016, vol. 5 (1). Available at: <https://doi.org/10.1556/jba.5.2016.suppl.1> (accessed: 28.09.2020).
19. Punzi E., Lindgren K. Relationships, Emotions, and Defenses Among Patients with Substance Use Disorders, Assessed with Karolinska Psychodynamic Profile: Possibilities to use Intensive Short-Term Dynamic Psychotherapy in Substance Abuse Treatment. In: *Alcoholism Treatment Quarterly*, 2019, vol. 37 (4), pp. 481–496.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 14.10.2020

Статья размещена на сайте: 30.12.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Хазова Светлана Абдурахмановна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры специальной педагогики и психологии Костромского государственного университета; e-mail: hazova_svetlana@mail.ru

Сапоровская Мария Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Костромского государственного университета; e-mail: saporov35@mail.ru

Кудряшова Оксана Александровна – психолог Макарьевского комплексного центра социального обслуживания населения (Костромская область); e-mail: krassnikova@mail.ru
Svetlana A. Khazova – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Prof., Department of Special Pedagogy and Psychology, Kostroma State University; e-mail: hazova_svetlana@mail.ru
Mariya V. Saporovskaya – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Departmental Head, Department of General and Social Psychology, Kostroma State University; e-mail: saporov35@mail.ru
Oksana A. Kudryashova – psychologist of the Makaryevsky complex center of social services for the population (Kostroma region); e-mail: krassnikova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Хазова С. А., Сапоровская М. В., Кудряшова О. А. Изъятие ребёнка как кризисное событие в жизни дисфункциональной семьи: особенности совладающего поведения // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Khazova S. A., Saporovskaya M. V., Kudryashova O. A. Removal of a child as a crisis event in the life of an alcoholic family and coping with it. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 4. Available at: evestnik-mgou.ru.